

Когда Жун Цзянь попал в книгу «Злое семя», он оказался в одиночестве, часто пугался до потери самообладания. В самом начале он считал Мин Е обманщиком, главным героем «Злого семени», персонажем, который нравился Жун Цзяню. Жун Цзянь выбирал держаться в стороне, возможно, иногда оказывая посильную помощь, например, когда сталкивался с охранниками, готовящимися навредить Мин Е, он отсылал их. Но не тогда, когда Мин Е болел, и его глаза становились глубокого красного цвета, непонятного для других в этом мире, и Жун Цзянь говорил, что будет рядом, защитит его.

Главный герой «Злого семени» не обещал Жун Цзяню вечности, эти слова произнёс Мин Е.

Поэтому Жун Цзянь был готов терпеть боль, которую мог бы избежать, ради Мин Е. Связи между людьми, каждая минута, проведённая вместе, делали Мин Е другим.

Жун Цзянь никогда не испытывал ничего подобного, он попытался объяснить это чувство:

— Потому что я считаю тебя другом.

Мин Е повторил:

— Другом?

Жун Цзянь поднял голову, его чёрно-белые глаза слегка расширились, в них чётко отражался высокий Мин Е, который мог быть заключён в таком маленьком взгляде, он спросил:

— Так ты обманешь меня?

Сердце Мин Е на мгновение дрогнуло.

Объективно говоря, он действительно ненавидел свои глаза. Но не потому, что они казались людям злыми или страшными, а потому, что их существование было нестабильным, создавало много проблем и усложняло путь к достижению желаемого, добавляя препятствий.

Он ненавидел эти глаза. И это не касалось никого, только его самого.

Но сейчас, казалось, что-то изменилось.

Это всё ещё было проблемой, но не такой ненавистной.

Возможно, слишком долго не получая ответа, Жун Цзянь вздохнул и нашёл пробел в словах Мин Е:

— Я принцесса, кто посмеет...

Он ведь не так просто мог быть обижен.

Тут Жун Цзянь с опозданием осознал, нахмурившись:

— Ты только что меня обидел?

Мин Е отвел взгляд, его лицо оставалось бесстрастным, он подумал немного, медленно и спокойно возразил:

— Разве? Нет, не думаю.

Он говорил так серьёзно, что Жун Цзянь снова начал сомневаться:

— Наверное, ты прав.

Мин Е не был таким злодеем.

Мин Е улыбнулся, на этот раз искренне, даже в его глазах была заметная улыбка:

— Ваше Высочество стали умнее, но почему-то не до конца?

Жун Цзянь не был настолько глуп, чтобы не понять смысл этих слов, он подумал, как этот человек может так поступать.

Неужели он просто пользуется моей добротой?

Жун Цзянь считал, что он плохо изучил науку использования своего положения, потому что никто его не учил, и сегодня он обязательно заставит Мин Е почувствовать на себе его силу.

Думая так, он высвободил руку из захвата Мин Е, размышляя, что сказать дальше, как вдруг Сы Фу вернулся.

Сы Фу одной ногой уже переступил порог:

— Ваше Высочество, еда готова...

Но, войдя, он увидел, как принцесса и телохранитель Мин Е дерутся, одежда принцессы слегка растрёпана.

Разве это то, что маленький евнух может видеть?

Сы Фу быстро ретировался.

Жун Цзянь окаменел, прошло немало времени, прежде чем он пришёл в себя, и ему было уже не до остального:

— Сы Фу, Сы Фу, вернись...

Послушай, я объясню, мы просто спорили! Спорили!

Мин Е не сдержал смеха, и Жун Цзянь бросил на него взгляд.

Ну, немного сердитый, но очень милый.

*

На дневных занятиях Жун Цзянь был не в духе.

Преподавателя ритуалов, которого звали Байшань, ученики кабинета называли его учителем Байшань, был пожилым учёным, которому было около пятидесяти лет. Сегодня, преподавая главу «Нэйцзэ», он в конце концов снова заговорил о Жун Цзяне.

Учёные и чиновники при дворе, естественно, поддерживали старшую принцессу, возлагая на неё надежды. Но многие из них, хотя и думали так, не воспринимали старшую принцессу всерьёз, потому что настоящим наследником престола был ребёнок старшей принцессы.

Старшая принцесса была высокопоставленной, но не более того, она была как ваза на высокой полке, красивая и благородная, но бесполезная. Им нужно было только, чтобы она родила ребёнка, и тогда у них появилась бы цель для следования.

И учитель Байшань придерживался такого же мнения.

До этого он был вежлив с Жун Цзянем. Но при дворе шли споры о браке принцессы, и Байшань, видя это, начал думать, что это вина принцессы.

Если бы принцесса публично попросила императора о браке, разве дошло бы до этого?

Принцесса, как будущая мать нации, должна была как можно скорее родить наследника, а не заниматься тем, что ей не нужно.

Поэтому, говоря о «Нэйцзэ», Байшань добавил несколько слов:

— Ваше Высочество, вы несёте большую ответственность, семейные дела — это государственные дела, следует уделять больше внимания браку, лучше бы вам учиться у знатных женщин ведению домашнего хозяйства, готовясь к будущему. Я боюсь, что только трачу ваше время.

Он считал, что говорит обычные вещи, просто наставляет ученика, а принцесса обычно была почтительна с учителями и принимала их советы. Так что он делал доброе дело для государства.

Жун Цзянь, услышав это, на мгновение замер, прежде чем сообразить.

Он никого не обидел, как же так получилось, что кто-то при дворе не смог справиться с Фэй Цзиньни и теперь смотрит на него?

Разве это справедливо?

Жун Цзянь отложил кисть, спокойно встал:

— Родительский приказ, сватовство. Если учитель Байшань так заботится о моём браке, почему бы не подать прошение императору?

— Я готов помочь учителю подготовить документы, передать прошение, чтобы никто его не задержал.

Байшань никогда не подавал прошений.

Он не хотел вмешиваться в такие важные дела, считая себя всего лишь учёным пятого ранга, который обычно занимается составлением книг и преподаванием, что уже весьма достойно. Что касается подачи прошений, это дело старших чиновников, которые могут высказаться, а Фэй Цзиньни в последнее время был раздражён, отчитал нескольких высокопоставленных чиновников и даже понизил в должности некоторых.

Как же Байшань мог рисковать своей карьерой.

Он покраснел, с трудом произнес:

— У меня есть свои планы.

Жун Цзянь, вероятно, догадался, что он не осмелится подать прошение, намеренно повысил тон:

— О? Семейные и государственные дела едины, учитель, будучи учёным и чиновником, не хочет взять на себя эту ответственность?

Дела при дворе, хотя ученики кабинета ещё не начали официальную службу, были им известны, они знали, о чём шли споры в последнее время, но не могли принести эти дела в место учёбы.

Неожиданно, слова учителя Байшаня вызвали такую реакцию принцессы. И все присутствующие были не глупы, они могли догадаться, что скрывалось за его словами. Например, то, что учитель Байшань советовал принцессе, но сам не осмеливался подать прошение.

Байшань тоже понял это, с трудом сказав:

— подача прошений — это очень важно, у меня есть другие неотложные дела, даже государственные дела имеют свои приоритеты. Ваше Высочество, зачем так торопиться, это моя ошибка.

Жун Цзянь стоял, не садясь, и все вокруг понимали его отношение.

В кабинете воцарилась тишина, никто не осмеливался заговорить.

Характер Жун Цзяня был мягким, он всегда был вежлив с людьми. Например, учитель Ци был строг ко всем одинаково, часто ругал учеников, Жун Цзянь тоже не раз получал выговоры, но всегда принимал их смиренно и исправлялся. Многие забыли, как Жун Цзянь, только приехав, противостоял учителю Сунь и заставил его замолчать.

Как и сейчас.

Фэй Шичунь сидел на заднем ряду, он видел спину Жун Цзяня, которая была чуть выше ширмы, очень прямой, каждое движение соответствовало этикету, даже складки юбки казались изысканными.

Он был благородной старшей принцессой.

Во время болезни отец рассказал ему о своих планах на будущее, и Фэй Шичунь сначала не мог принять это, но потом, придя в себя, забыл о том странном человеке и был в восторге.

Потому что он считал этот план идеальным, результатом многолетних размышлений отца.

Что касается Жун Цзяня, он был его родной сестрой, с кровью семьи Жун, Фэй Шичунь сначала считал его страшным и отвратительным, но, вернувшись на учёбу и увидев лицо Жун Цзяня, он передумал.

Жун Цзянь был действительно красив.

Такой человек, ничего не зная, выйдет за него замуж.

Фэй Шичунь не мог сдерживать легкомыслия и радости. Он хотел заранее сблизиться со старшей принцессой, чтобы Жун Цзянь полюбил его, и тогда брак стал бы естественным.

Неожиданно... он так не уважал его.

Фэй Шичунь чувствовал себя униженным, злобно думая, кто он такой, чтобы так высокомерничать?

Всего лишь пешка, обречённая на скорую смерть слабая старшая принцесса.

<http://bllate.org/book/16310/1471684>